

# **ГРОЗА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ**



*Посвящается Дебби Честер, научившей меня всему,  
что нужно знать о писательском ремесле.  
И моему отцу, научившему меня всему,  
что нужно знать о жизни.  
Мне тебя не хватает, папа.*

## Благодарности

*Выражаю особую благодарность Кэролайн, Фреду, Деборе, Таре и Корин — первым поклонникам Гарри Дрездена. Не будь у меня извращенного соблазна заставлять вас, ребята, визжать, чтобы я принимался за следующую главу, на Гарри ни за что не свалилось бы столько неприятностей. И еще я благодарен Рисии Мейнхардт и А. Дж. Яншевич, классным агентам и хорошим людям... и Крис Эли, чье общество всегда приятно.*

*Особенная-особенная благодарность моему сыну Джею. Джею, который верит в то, что его папа написал хорошую книгу, хотя даже не может ее прочитать.*

*И тебе спасибо, Шеннон, за столько всякого, что и не перечислить. Ты мой ангел. Обещаю, когда-нибудь я научусь выворачивать носки на нужную сторону, прежде чем швырять их на пол спальни.*

## Глава 1

Я услышал шаги почтальона за дверью моего офиса на полчаса раньше обычного. Какие-то не такие шаги. Он топал громче, веселее и насвистывал на ходу. Новенький. Он свистел до тех пор, пока не остановился перед дверью, и тут замолчал на пару секунд. Потом засмеялся.

Потом постучал.

Я поморщился. Почту мне кидают в щель для газет, если только это не заказная корреспонденция. Заказной корреспонденции ко мне приходит совсем немного, и каждый раз это какая-нибудь гадость. Я вылез из кресла и отворил дверь.

Новый почтальон, руками, ногами и выцветшей, лысеющей башкой смахивавший на баскетболиста, хихикал, глядя на мою дверную табличку. Потом повернулся ко мне и ткнул в нее оттопыренным большим пальцем:

— Это у вас такая шутка, да?

Я перечитал табличку (бывает, мне ее меняют время от времени) и мотнул головой:

— Нет. Это серьезно. Будьте добры, дайте мою почту.

— Ну, блин. Это что, типа, там вечеринки, зрелища и все такое? — Он заглядывал через мое плечо в офис, будто ожидая увидеть там белого тигра или, возможно, игриво одетых ассистенток.

Я вздохнул — мне не хотелось новых насмешек — и потянулся за конвертом у него в руке.

— Нет, ничего такого. Я не развлекаю на вечеринках.

Он отвел руку назад, с любопытством склонив голову набок.

— Тогда чего? Кто-нибудь, типа, предсказатель будущего? Типа, карты и хрустальные шары?

— Нет, — сказал я ему. — Я не экстрасенс. — И потянул за край конверта.

Он не отпуская.

— Раз так, тогда кто?  
 — Что написано на табличке?  
 — Тут написано: «Гарри Дрезден, чародей».  
 — Это я и есть, — подтвердил я.  
 — Настоящий чародей? — спросил он, ухмыляясь, словно ожидая подтверждения того, что все это шутка. — Заклинания, зелья? Демоны и заговоры? Хрупок в кости и скор на гнев, да?

— Не слишком хрупок. — Я выдернул конверт у него из руки и выразительно покосился на его планшет. — Позвольте, я распишусь в получении.

Ухмылка сбежала с его лица, и он нахмурился. Потом сунул мне планшет, чтобы я черкнул на нем закорючку за письмо (очередное напоминание от домовладельца насчет арендной платы).

— Зануда вы, вот вы кто, — буркнул он, забирая у меня планшет. — Приятного дня, сэр.

Я смотрел ему вслед, пока он уходил.

— Обычная история, — пробормотал я и захлопнул дверь.

Меня зовут Гарри Блэкстоун Копперфилд Дрезден. Можете колдовать с моим именем — за последствия не отвечаю. Я чародей. Я занимаюсь своим делом в однокомнатном офисе неподалеку от центра Чикаго. Насколько мне известно, я единственный открыто практикующий профессиональный чародей в этой стране. Можете найти меня в телефонной книге в разделе «Чародеи». Хотите верить, хотите нет, но я там один. Мое объявление выглядит так:

### ГАРРИ ДРЕЗДЕН — ЧАРОДЕЙ

Розыск пропавших вещей. Паранормальные расследования.

Консалтинг. Советы.

Разумные цены.

Никаких приворотных зелий, бездонных кошельков, вечеринок и прочих развлечений.

Вас удивит, сколько людей звонит мне только затем, чтобы спросить, серьезно ли я все это. Впрочем, повидать вы с мое, знай вы с мое, вас удивило бы, как это кто-то вообще может *не верить* в то, что все это серьезно.

Конец двадцатого столетия и начало нового тысячелетия стали свидетелями ренессанса в том, что касается общественного интереса к паранормальным явлениям. Оккультизм, проклятия, вампиры — ну, сами знаете. Люди до сих пор не относятся к ним серьезно, но всего, чего нам наобещала Наука, приходится ждать до сих пор.



Болезни никуда не делись. Голод никуда не делся. Насилие, преступность, войны — все это никуда не делось. В общем, несмотря на прогресс техники, положение дел изменилось не настолько, как все ждали и надеялись.

Наука, главная религия двадцатого века, стала ассоциироваться с образами взрывающихся космических челноков, детей-уродов и поколением равнодушных американцев, доверивших дело воспитания своих детей телевидению. Люди ждали чего-то, — думаю, они сами не знали, чего именно. И хотя они снова начали открывать глаза на мир магии и волшебства, все это время существовавший рядом с ними, они все еще думают, что я — такая оригинальная шутка.

Как бы то ни было, месяц выдался вялый. Скорее даже пара вялых месяцев. Сомнительно, чтобы арендную плату за февраль я заплатил раньше десятого марта... а может, и позже, если мне не подвернется работы.

Последнее дело, которым я занимался, имело место на прошлой неделе, когда я летал в Брентон, штат Миссури, обследовать дом кантри-певца, в котором предположительно завелись привидения. Их там не обнаружилось. Клиенту этот мой ответ не понравился, и еще меньше понравилось мое предложение отказаться от приема возбуждающих жидкостей, заняться хоть немного физическими упражнениями и сном и посмотреть, не поможет ли это в большей степени, нежели экзорцизм. Мне оплатили дорожные расходы и час работы, и я улетел обратно с ощущением того, что выполнил свою работу честно, законно и на редкость невыгодно. Позже до меня дошли слухи, что он нанял бойкого оккультиста, чтобы тот приехал к нему и устроил церемонию с курением благовоний и черными огнями. Бывают же люди.

Я дочитал роман в бумажной обложке и бросил его в ящик с надписью «ВЫПОЛНЕНО». В картонной коробке рядом с моим столом валялась целая куча читанных и выброшенных книжек с мятыми страницами и погнутыми корешками. Я жить не могу без книг. Я как раз созерцал груды непрочтенных книг, раздумывая, какую бы взять следующей, с учетом того, что делать все равно нечего, когда зазвонил телефон.

Я покосился на него не без опаски. Мы, чародеи, вообще жутко боимся подвоха. После третьего звонка, когда я решил, что не покажусь звонящему слишком нетерпеливым, я снял трубку и сказал: «Дрезден».

— О... Это, гм, Гарри Дрезден? То есть... э... чародей? — Она говорила извиняющимся тоном, словно боясь меня оскорбить.

«Нет, — подумал я. — Это Гарри Дрезден... э... ротозей. Гарри-чародей сидит этажом ниже».

Быть ворчливым — прерогатива чародеев. Но никак не независимых консультантов, запаздывающих с арендной платой. Поэтому, вместо того чтобы сказать что-нибудь умное, я сказал женщине в трубке:

— Да, мэм. Чем могу быть полезным сегодня?

— Я, гм... — произнесла она. — Я, ну, не знаю. Я кое-что потеряла, и мне показалось, вы могли бы мне помочь.

— Поиск потерянных вещей — моя специальность, — согласился я. — Что я должен искать?

Последовала нервная пауза.

— Моего мужа, — ответила она. Голос ее звучал чуть хрипло, словно у чирлидерши по окончании долгого матча; впрочем, в нем ощущался достаточный вес прожитых лет, чтобы определить ее как взрослую.

Брови мои против воли поползли вверх.

— Знаете, мэм, я, в общем-то, не специалист по поиску пропавших людей. Вы связывались с полицией или частным детективом?

— Нет, — быстро ответила она. — Нет, они не могут. То есть не связывалась. Ох, черт, все это так запутано. Не телефонный разговор. Простите, что я отнимала у вас время, мистер Дрезден.

— Подождите-ка, — так же быстро сказал я. — Извините, вы не назвали себя.

Последовала еще одна нервная пауза, словно она сверялась с какими-то письменными заметками, прежде чем ответить.

— Зовите меня Моникой.

Люди, наслушавшиеся всяких баек про чародеев, не любят называть нам своих имен. Они уверены, что, если они назовут чародею свое имя, тот может использовать его против них самих. Честно говоря, они правы.

Мне пришлось изо всех сил казаться вежливым и безобидным. Она вот-вот готова была из чистой нерешительности повесить трубку, а мне нужна была работа. Может, мне и удастся отыскать этого типа, если я постараюсь как следует.

— Хорошо, Моника, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно мелодичнее и дружелюбнее. — Если вы считаете, что ваша ситуация носит деликатный характер, вы могли бы при-



ехать ко мне в офис и рассказать о ней. Если обнаружится, что я могу помочь вам лучше, чем кто-то другой, я сделаю это, а если нет, я направлю вас к кому-нибудь, кто, на мой взгляд, поможет вам лучше. — Я оскалился, изображая улыбку. — Совершенно бесплатно.

Должно быть, именно это «бесплатно» ее и доконало. Она согласилась ехать ко мне прямо сразу же и сказала, что будет через час. То есть примерно в полтретьего. У меня еще оставалось в запасе достаточно времени, чтобы выйти, пообедать и не спеша вернуться в офис встречать ее.

Телефон зазвонил почти сразу же, как я положил трубку, заставив меня подпрыгнуть. Я уставился на него. Не доверяю я электронике. Все, сработавшее по окончании сороковых годов, вызывает у меня подозрение — и, похоже, я тоже не пользуюсь у этих штуквин особенной любовью. Ну, сами понимаете: у радио, телефонов, авто, ТВ, видео — никто из них не желает вести себя со мной как положено. Я даже авторучками не люблю пользоваться.

Я защebetал в трубку с той же фальшивой радостью, с которой завлекал Монику Пропавший-Муж.

— Дрезден слушает. Чем могу помочь?

— Гарри, ты мне нужен в «Мэдисоне» через десять минут. Можешь приехать? — Голос на том конце провода тоже был женским, но спокойным, холодно-деловитым.

— Ба, лейтенант Мёрфи, — проворковал я, буквально захлебываясь в патоке. — Я тоже ужасно рад вас слышать. Так давно не виделись... Спасибо, все здоровы. А как ваша семья?

— Брось, Гарри. У меня тут пара трупов, и мне нужно, чтобы ты посмотрел, что и как.

Я мгновенно протрезвел. Кэррин Мёрфи работала начальником отдела специальных расследований центра Чикаго, сиречь была уполномочена Департаментом полиции расследовать любые преступления, представляющиеся необычными. Нападения вампиров, бесчинства троллей, похищения детей феями плоховато вписываются в полицейские протоколы — и в то же время на людей нападают, младенцев крадут, с собственностью тоже происходят всякие неприятности. Надо же кому-то за этим приглядывать.

В Чикаго, да и в его окрестностях, таким человеком была Кэррин Мёрфи. А я служил в качестве ее архива сведений обо всей ходячей нечисти — то есть подрабатывал платным консультантом Департамента. Но чтобы два трупа? Две смерти, причиненные неизвестным образом? Ни с чем подобным я еще не сталкивался.



— Ты где? — спросил я.

— На Десятой, отель «Мэдисон», седьмой этаж.

— Всего пятнадцать минут ходу от моего офиса, — заметил я.

— Значит, ты можешь быть здесь через пятнадцать минут. Отлично.

— Гм, — запнулся я и покосился на часы. Моника Без-Фамилии будет здесь чуть больше, чем через сорок пять минут. — У меня тут вроде как деловая встреча.

— Дрезден, у меня тут вроде как пара трупов без зацепок и подозреваемых, в то время как убийца разгуливает на воле. Твоя встреча может подождать.

Мое настроение вдруг улучшилось. Такое тоже случается время от времени.

— Вообще-то, не может, — сказал я. — Но я тебе вот что скажу: я подскочу, посмотрю, что там у вас, и успею вернуться к намеченному времени.

— Ты успел пообедать? — спросила она.

— Что?

Она повторила вопрос.

— Нет, — ответил я.

— И не нужно. — Последовала пауза, а когда она заговорила снова, голос ее показался не совсем здоровым. — Тут погано.

— Насколько погано, Мёрф?

Голос ее смягчился, и это напугало меня больше, чем лужи крови. Мёрфи по природе крепкая девушка и гордится тем, что никогда не выказывает слабости.

— Правда погано, Гарри. Пожалуйста, не задерживайся. Отделу особых преступлений не терпится наложить на это дело свои лапы, а я знаю, как ты не любишь, чтобы кто-то возился на месте, пока ты не осмотрел его хорошенько.

— Иду, — сказал я ей и действительно встал и натянул куртку.

— Седьмой этаж, — напомнила она мне. — До встречи.

— Конечно.

Я выключил свет в кабинете, вышел, запер за собой дверь и нахмурился. Я слабо представлял себе, сколько времени займет осмотр трупов, но мне очень не хотелось пропускать разговор с Моникой Не-Задавайте-Вопросов. Поэтому я снова отпер дверь, взял листок бумаги, карандаш и написал: «Вышел ненадолго. Вернусь к 2:30. Дрезден».

Покончив с этим, я спустился по лестнице. Я редко пользуюсь лифтом, хотя офис мой расположен на пятом этаже. Как я уже говорил, я не доверяю машинам. Они вечно ломаются как раз тогда, когда нужны мне.

И еще. Будь я кем-то, кто использует магию, чтобы убивать разом двоих, и если бы я не хотел, чтобы меня поймали, я бы уж постарался устранить единственного в этом городе практикующего чародея, сотрудничающего с полицией. В этом свете шансы выжить на лестнице представляются мне значительно выше, чем в тесной коробке лифта.

Параноик? Возможно. Но даже если вы параноик, это не значит, что какой-нибудь невидимый демон не хочет выесть вам лицо.

## Глава 2

Кэррин Мёрфи ждала меня перед входом в «Мэдисон». Мы с Кэррин являем собой образцовый пример разительного контраста. Я высок и худ; она маленького роста и плотного телосложения. У меня темные волосы и глаза; она щеголяет светлыми кудряшками и младенчески-голубыми глазами в духе Ширли Темпл. Мое лицо худощаво и угловато, с крючковатым носом и острым подбородком; ее — округло и гладко, с правильным носиком, которому позавидовала бы любая чирлидерша.

Погода стояла свежая, ветреная, как и положено в марте, так что она одела длинное пальто поверх брючной пары. Мёрфи никогда не носит платьев, хотя я подозреваю, что ноги у нее стройные и мускулистые, как у гимнастки. Она сложена для действия, и пара кубков за победы в состязаниях по айкидо, стоящих у нее в кабинете, подтверждают это. Волосы ее, остриженные на уровне плеч, развевались на весеннем ветру. Сережек она тоже не надела, а количество и качество макияжа заставляло вообще усомниться в его наличии. В общем, она походила скорее на любимую тетюшку или заботливую мамочку, нежели на закаленного, специализирующегося на убийствах детектива.

— У тебя, Дрезден, больше одеться не во что? — спросила она, едва я приблизился на расстояние оклика.

Перед входом в здание, явно нарушая все правила парковки, стояло несколько полицейских машин. На полсекунды она встретилась со мной взглядом, потом быстро отвела глаза в сторону. Надо отдать ей должное. Это совершенно безопасно, если только вы не делаете этого дольше нескольких секунд, но я уже привык к тому, что все, кому известно мое ремесло, избегают смотреть мне в лицо.

Я перевел взгляд на свой черный брезентовый плащ с увесистым капюшоном, водонепроницаемыми швами и рукавами, достаточно длинными для моих лапиц.



- Чем он тебе не нравится?
- Он годе только для съемок в «Эльдорадо».
- И что из этого?

Она фыркнула — совершенно неделекатный звук для такой миниатюрной женщины — и, резко повернувшись на каблуках, зашагала к дверям отеля.

Я догнал ее и пошел чуть впереди.

Она убыстрила шаг. Я тоже. Набирая скорость, мы спешили наперегонки к двери, разбрызгивая оставшиеся после ночного дождя лужицы на асфальте.

Мои ноги все-таки длиннее, так что я оказался у двери первым. Я распахнул ей дверь и галантным жестом пригласил ее заходить. Это наш давний поединок. Возможно, мои манеры устарели, но я придерживаюсь старых взглядов. Я считаю, что мужчины должны относиться к женщинам не просто как к человеческим особям, уступающим им ростом и силой, но зато с бюстом. Если не согласны, можете попробовать меня переубедить. Мне доставляет удовольствие обращаться с женщиной как с леди, открывать перед ней дверь, платить за разделенный со мною обед, дарить цветы — и т. д., и т. п.

Это до чертиков раздражает Мёрфи, которой пришлось зубами и когтями прорываться к ее нынешнему положению в борьбе с самыми крутыми мужиками в Чикаго. Она смерила меня, почтительно удерживавшего дверь, свирепым взглядом; впрочем, были в этой ярости и какая-то благодарность, облегчение. Сегодня она находила в этом, обыкновенно раздражающем ее ритуале какое-то странное, непонятное мне утешение.

Черт, да что у них там, на седьмом этаже?

Мы поднимались на лифте молча. Мы достаточно давно знали друг друга, чтобы это молчание не казалось нам гнетущим. Я хорошо чувствую настроение Мёрфи — такое вырабатывается у меня с каждым, с кем имею дело достаточно долго. Уж не знаю, чем считать эту мою способность: естественной или сверхъестественной.

Мои инстинкты говорили мне, что Мёрфи напряжена, натянута, как рояльная струна. Она не позволяла этим чувствам проявляться на лице — и все равно это ощущалось: в положении шеи и плеч, в застылости спины.

А может, я просто проецировал на нее свои эмоции. Замкнутое пространство лифта меня немного нервнрует. Я облизнул губы и огляделся по сторонам. Наши с Мёрфи тени падали на пол каби-



ны, и казалось, будто это мы сами распластаны там. Было в этом что-то такое, тревожащее, что я постарался отместить как игру нервов. Спокойно, Гарри, спокойно.

Лифт замедлил ход, и она резко втянула в себя воздух — и еще раз, пока двери не отворились, словно собиралась задержать дыхание на все то время, что мы будем находиться на этом этаже.

У крови свой, особенный запах — чуть липкий, почти металлический, — и запах этот ударил в нос, стоило дверям открыться. Мой желудок слегка напрягся, но я мужественно сглотнул слюну и следом за Мёрфи зашагал по коридору. Двое копов пропустили меня, не требуя показать ламинированную карточку, выданную мне городскими властями. Ну конечно, вряд ли у Департамента полиции даже такого большого города, как Чикаго, числится толпа консультантов. Возможно, меня и не так сложно узнать, и все же... Непрофессионально, ребята. Непрофессионально.

Мёрфи вошла в номер первой. Запах крови сделался гуще, но за первой дверью не обнаружилось ничего такого. Помещение выглядело как обычная гостиная относительно дорогого номера: красные с золотом тона, словно заимствованные из старого, конца тридцатых годов, фильма, дорогие на вид, но в чем-то фальшивые. Кресла были обиты дорогой темной кожей, а ноги утопали в толстом, ржаво-охристого цвета ковре. Бархатные шторы были задернуты, и в комнате казалось темно, несмотря на то что все лампы горели. В общем, здесь как-то не хотелось сидеть и читать. Из-за двери справа от меня доносились голоса.

— Подожди здесь минуту, — сказала мне Мёрфи и прошла через эту дверь в соседнюю комнату — судя по всему, спальню.

Я побродил немного по гостиной, прищурившись, — изучая обстановку. Кожаный диван. Два кожаных кресла. Стерео и телевизор — развлекательный центр в скорлупе из черного пластика. Бутылка шампанского в ведерке, на треть заполненном водой; всего несколько часов назад это был еще лед. Два пустых стакана рядом. На полу валялся лепесток красной розы, совершенно неуместный на этом ковре (как, впрочем, и все остальное в этой комнате).

В стороне, под одним из кожаных кресел, лежал кусок шелковой ткани. Я нагнулся и осторожно, чтобы ничего не задеть, поднял кожаный чехол кресла. Пара черных шелковых трусиков, маленький треугольничек с кружевами по углам. Одна из ленточек была порвана, словно трусы сдирали второпях. Извращения.

Стереосистема была высший класс, хотя и не самой престижной марки. Я достал из кармана карандаш и ткнул ластиком в кнопку «PLAY». Мягкая, чувственная музыка наполнила помещение: сочные басы, сдержанные ударные, вокал без слов, тяжелое женское дыхание на заднем плане...

Мелодия продолжалась еще несколько секунд, потом оборвалась и началась снова. И еще раз, и еще.

Я поморщился. Я уже говорил, что оказываю подобный эффект на технику. Должно быть, это как-то связано с моей профессией чародея, с необходимостью пользоваться магическими энергиями. Чем сложнее и современнее устройство, тем больше вероятность того, что в нем что-то испортится при моем приближении. Копировальную машину я могу угробить за пятьдесят шагов.

— Сюита любви, — послышался мужской голос, растянувший «сюиту» до «суиииииты».

— Привет, детектив Кармайкл, — отозвался я, не оборачиваясь. Высокий, чуть гнусавый голос Кармайкла трудно с кем-то спутать. Он работает в паре с Мёрфи и имеет амплу постоянного скептика, пребывающего в твердом убеждении, что я не более чем шарлатан, сосущий из города его трудовые деньги. — Трусы вы как, оставили, чтобы забрать потом себе, или просто проглядели?

Я повернулся и посмотрел на него. Он был невысок, страдал ожирением и облысением, с покрасневшими глазами и бесхарактерным подбородком. Он щеголял мягкой курткой, а на галстук его имели место жирные пятна, — впрочем, и то и другое намеренно маскировало острый ум. Он толковый коп, Кармайкл, а уж в слеживании убийц он выкладывается на все сто.

Он обошел кресло и заглянул под него.

— Неплохо, Шерлок, — буркнул он. — Но это так, разминка. Подождем, пока вы не увидите главного зрелища. Ведерко я для вас приготовил. — Он повернулся и заткнул съехавший с катушек CD-вертак ластиком собственного карандаша.

Я выпучил на него глаза, показывая, как мне страшно, обогнув его, прошел в спальню и сразу же пожалел об этом. Я смотрел, фиксировал в уме детали, а сам тем временем изо всех сил захлопывал в своей голове дверку в ту часть сознания, которая начала визжать с первого же моего шага через порог этой комнаты.

Должно быть, они умерли вечером накануне, так как успели оконечеть. Оба так и остались в постели: она — верхом на нем, от-



кинувшись назад, прогнув спину словно танцовщица, картинно выставив великолепную грудь вперед и вверх. Он вытянулся под ней — стройный, мускулистый мужчина; пальцы рук его крепко вцепились в скомканную простыню. Будь это эротической фотографии, за нее можно было бы огрести неплохие деньги.

Если не считать того, что грудная клетка у обоих словно вывернулась наизнанку с левой стороны и ребра торчали сквозь кожу зубастыми, изогнутыми кинжалами. Артериальная кровь выплеснулась из их тел аж до зеркала на потолке вперемешку с комками губчатой, желеобразной массы — всем, что осталось от их сердец. Подойдя поближе, я запросто мог заглянуть им внутрь. Я обратил внимание на посеревшую плоть левых легких и сломы ребер — какая-то сила разорвала их изнутри.

И детонатором явно послужила эротическая энергия.

Кровать стояла посреди помещения, являясь в нем главным элементом. Оформление спальни перекликалось с гостиной: обилие красного, много бархатной ткани — даже, пожалуй, перебор, если только не смотреть на все это при свечах. Свечи, само собой, тоже имелись — в канделябрах у стены — только прогорели до конца и давным-давно погасли.

Я подошел еще ближе к кровати и обошел ее вокруг. Ковер хлопал под ногами. Маленькая, визжащая часть моего мозга, вроде бы надежно захлопнутая на дверку самоконтроля и закалки, продолжала верещать. Я старался не обращать на нее внимания. Честно старался. Но боялся, что если не выйду из этой комнаты, и очень быстро, то начну плакать, как малолетняя девчонка.

Поэтому я старался фиксировать детали как можно быстрее. Женщине было лет двадцать с небольшим, она находилась в великолепной форме. По крайней мере, мне казалось, что была в великолепной форме до того как. Утверждать этого наверняка я не мог. Коротко, под мальчика подстриженные каштановые волосы показались мне крашеными. Глаза остались полуприкрытыми, так что ничего определенного про их цвет я сказать не смог, разве что они определенно не темные. Может, зеленоватые?

Мужчина лет сорока обладал телосложением, какое достигается лишь постоянными упражнениями. На правом бицепсе его красовалась татуировка: наполовину прикрытый простыней крылатый дротик. На костяшках пальцев виднелись шрамы, старые, но глубокие, и еще один, в нижней части живота — зловещий, узкий, корявый. По виду, от ножевого ранения.

Одежда валялась раскиданной вокруг: мужской костюм-двойка, небольшая тряпочка, имевшая означать черное платье, и пара шлепанцев. У стены аккуратно стояли две так и не открытые дорожные сумки; возможно, туда их поставил портфель.

Я поднял взгляд. Мёрфи с Кармайклом молча смотрели на меня.

Я пожал плечами.

— Ну? — спросила наконец Мёрфи. — Так в этом замешана магия или нет?

— Или магия, или неслыханно потрясающий секс, — ответил я.

Кармайкл фыркнул.

Я тоже чуть усмехнулся — и этого вполне хватило, чтобы визжащая часть моего мозга вырвалась из-за двери, за которой я ее держал взаперти. Желудок мой подпрыгнул, напрягся, и я опрометью бросился из комнаты. Кармайкл, благослови Господи его добрую душу, не соврал. За дверью и правда стояло ведро из нержавеющей стали. Я рухнул перед ним на колени, и меня вывернуло наизнанку.

Мне потребовалось всего несколько секунд, чтобы снова совладать с собой, — но возвращаться в спальню у меня не было ни малейшего желания. Впрочем, все, что меня там интересовало, я уже высмотрел. Я не хотел больше видеть двух мертвецов, сердца которых буквально взорвались у них в груди.

И ведь кто-то использовал для этого магию. Кто-то использовал магию, чтобы нанести вред другому, нарушив тем самым Первый закон. Весь Белый Совет в полном составе кондрашка хватит. Это не было ни проявлением злобного духа, ни нападением одного из созданий Небывальщины, вроде троллей или вампиров. Это был осознанный, тщательно просчитанный акт чародейства, исполненный магом, человеком, способным оперировать изначальными энергиями творения и жизни.

Это было хуже, чем убийство. Это было отвратительное, чудовищное извращение, сопоставимое разве что с тем, как если бы кто-то забил другого человека насмерть шедевром Боттичелли, превратив нечто прекрасное в орудие грубого разрушения.

Это трудно объяснить тому, кто ни разу с этим не сталкивался. Магия сотворена жизнью, и в первую очередь ощущениями, разумом и эмоциями человеческого существа. Оборвать такую жизнь, пользуясь для этого той же самой магией, которая этой жизнью порождена, — чудовищное извращение сродни инцесту.



Когда Мёрфи с Кармайклом вышли из спальни, я уже сидел, тяжело дыша, дрожа и сглатывая слюну.

— Олл райт, Гарри, — сказала Мёрфи. — Займемся делом. Что там, по-твоему, произошло?

Я помолчал, собираясь с мыслями для ответа.

— Они приехали сюда. Выпили немного шампанского. Потанцевали немного под стерео. Потом отправились в спальню. Пробыли там меньше часа. Их шарахнуло, когда оба достигли кульминации.

— Меньше часа, — с сомнением в голосе повторил Кармайкл. — С чего это вы так решили?

— Продолжительность записи на диске — час десять. Прикиньте: несколько минут на танцы и шампанское, а потом они уже в спальне. Диск играл еще, когда их нашли?

— Нет, — ответила Мёрфи.

— Значит, его не ставили на повтор. Мне кажется, они хотели музыку только для фона. Чтобы все было в ажуре — и обстановка, и все остальное.

Кармайкл кисло усмехнулся.

— Ничего такого, до чего мы не додумались сами, — буркнул он Мёрфи. — Ему стоило бы постараться получше.

Мёрфи смерила Кармайкла взглядом, говорящим: «Заткнись».

— Мне нужно больше, Гарри, — произнесла она вслух.

Я пригладил волосы рукой.

— Добиться такого можно только двумя способами. Первый способ — это заклятие. Заклятие — наиболее прямой, зрелищный и шумный вид выраженной магии или колдовства. Взрывы, пожары и прочие подобные штуки. Но я сомневаюсь, чтобы это сделал заклинатель.

— Почему? — поинтересовалась Мёрфи. Я услышал, как она скрипит карандашом, торопливо записывая что-то в блокноте, с которым не расставалась.

— Потому что, если ты хочешь добиться этим способом какого-то эффекта, тебе необходимо видеть объект или дотрагиваться до него, — пояснил я. — Необходимо непосредственное присутствие. То есть мужчине — или женщине — нужно было находиться в спальне вместе с ними. При этом очень трудно скрыть улики; к тому же у всякого, способного рассчитать подобное заклинание, должно хватить ума воспользоваться вместо него пистолетом. Это куда как проще.

— А второй вариант? — спросила Мёрфи.

— Томатургия, — сказал я. — Как для нее, так и для него. Позвольте чему-нибудь случиться в мелком масштабе и придайте этому энергию, чтобы это повторилось в крупном.

— Вздор какой, — фыркнул Кармайкл.

— Как это может действовать, Гарри? — Голос Мёрфи тоже звучал довольно скептически. — Это можно было проделать из какого-то другого места?

Я кивнул:

— Убийце достаточно иметь что-то, что связывало бы его с жертвами. Волосы, ногти, образцы крови. Что-нибудь в этом роде.

— Как кукла вуду?

— Совершенно верно. Да.

— Женщина красила волосы совсем недавно, — заметила Мёрфи.

Я снова кивнул:

— Возможно, если вы сможете раскопать, где она делала стрижку, вы и найдете что-нибудь. Не знаю.

— Можешь сказать мне что-то еще полезного?

— Да. Убийца был знаком с жертвами. И мне кажется, это женщина.

Кармайкл снова фыркнул:

— Не думаю, что нам стоит терять время, выслушивая все это. В девяти случаях из десяти убийца знаком с жертвой.

— Заткнись, Кармайкл, — сказала Мёрфи. — Что заставляет тебя утверждать так, Гарри?

Я встал и провел по лицу руками.

— То, как действует магия. Каждый раз, когда ты хочешь совершить что-либо с ее помощью, это должно идти из глубины тебя. Чародею необходимо сфокусироваться на том, что он хочет сделать, визуализировать это, поверить в это, иначе ничего не выйдет. Ты не можешь заставить что-то произойти, если этого нет в тебе. Убийца мог бы прикончить их обоих и сделать так, чтобы это выглядело несчастным случаем, но она сделала это именно так. Чтобы проделать это подобным образом, убийца должен иметь глубоко личные причины желать их смерти. Возможно, это месть. Не исключено, что вам нужно искать любовницу или супруга. Ну и еще то, как они умерли, — в разгар секса. Это не случайное совпадение. Эмоции играют роль русла для магии — тропы, которую можно использовать, чтобы добраться до тебя. Она выбрала время, когда они были вместе и до предела заряжены желанием. У нее

имелись образцы, чтобы использовать их для фокусировки, и она заранее все рассчитала. С незнакомыми людьми такого не проделаешь.

— Барахло, — буркнул Кармайкл, но на этот раз это прозвучало скорее как абстрактное ругательство, не нацеленное конкретно на меня.

Мёрфи недовольно смотрела на меня.

— Ты все продолжаешь говорить «она». С чего, черт подери, ты так в этом уверен?

Я махнул рукой в сторону спальни.

— Потому что ничего, хотя бы отдаленно напоминающего эту гадость, не добиться, если ты не ненавидишь жертву. Сильно ненавидишь, — ответил я. — Женщины по части ненависти дадут сто очков вперед любому мужчине. Они умеют лучше фокусировать ее, лучше излучать. Черт, да ведь ведьмы куда *зловнее* колдунов. В общем, мне это сильно напоминает женскую месть.

— Но это мог совершить и мужчина, — не сдавалась Мёрфи.

— Ну... — замылся я.

— Боже, Дрезден, ты настоящая свинья. Шовинист. Неужели такое могла совершить *только* женщина?

— Ну... нет. Вряд ли.

— Вряд ли? — ухмыльнулся Кармайкл. — Тоже мне, эксперт.

Я хмуро посмотрел на них обоих:

— Знаешь, Мёрф, мне как-то не приходилось изучать, что нужно для того, чтобы взорвать чье-нибудь сердце. Можешь не сомневаться, как только мне представится такая возможность, я дам тебе знать.

— Когда ты сможешь сказать мне что-нибудь еще? — спросила Мёрфи.

— Не знаю. — Я поднял руку, предупреждая следующий вопрос. — С этими штуками никогда не знаешь наверняка, Мёрф. Такие номера не проходят. Я даже не знаю, смогу ли я вообще сделать что-нибудь, не говоря уже о том, сколько времени на это потребуется.

— За пятьдесят баксов в час я бы не советовал вам слишком тянуть с этим, — прорычал Кармайкл.

Мёрфи покосилась на него. Она не то чтобы соглашалась с ним, но и не укоротила ему язык.

Я воспользовался этой возможностью, чтобы перевести дух и успокоиться. Потом снова посмотрел на них.

— Ладно, — вздохнул я. — Кто они такие? Жертвы?



— Вам это знать необязательно, — буркнул Кармайкл.

— Рон, — вмешалась Мёрфи, — я бы не отказалась сейчас от кофе.

Кармайкл повернулся к ней:

— Ну давай, Мёрф. Этот парень тебя за нос водит. Ведь не думаешь же ты, что он в состоянии сказать хоть что-нибудь заслуживающее внимания, нет же?

Мёрфи смерила потное, раскрасневшееся лицо своего напарника ледяным взглядом, способным пошатнуть мужика даже на шесть дюймов выше ее самой.

— Без сливок, два куска сахара.

— Чтоб вас... — сказал Кармайкл. Он злобно покосился на меня (избегая, правда, при этом встречаться со мной взглядом), сунул руки в карманы брюк и вышел из номера.

Неслышно ступая, Мёрфи проследовала за ним до двери и закрыла ее. В гостиной сразу же сделалось темнее и теснее; ухмыляющийся призрак давешней шелковой близости витал в запахе крови и памяти о двух мертвых телах в соседней комнате.

— Женщину звали Дженнифер Стентон. Она работала на «Бархатный салон».

Я присвистнул. «Бархатным салоном» называлась дорогая служба эскортных услуг, которой заправляла женщина по имени Бьянка. На службе у нее состояла стая красивых, обаятельных и весьма сообразительных девиц, которыми она снабжала самых богатых местных мужчин по таксе в несколько сотен долларов в час. Бьянка торговала таким женским обществом, какое большинство мужчин видит только по телевизору и в кино. Еще я знал, что в Небывальщине она является весьма и весьма влиятельной вампиршей. В общем, она обладала Властью с большой буквы «В».

Прежде я уже пытался объяснять Мёрфи концепцию Небывальщины. Она так и не поняла ее до конца, но все же усвоила, что Бьянка в некотором роде вампирша, периодически сражающаяся за территорию. Мы оба прекрасно понимали, что, если в дело вовлечена одна из Бьянкиных девиц, без нее самой здесь тоже не обошлось.

Мёрфи не стала ходить вокруг да около.

— Это может быть одной из Бьянкиных разборок?

— Нет, — сказал я. — Если только она не повздорила с человеком-колдуном. Вампир, даже вампир-колдун, ни за что не устроит ничего подобного за пределами Небывальщины.



## Содержание

ГРОЗА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ. <i>Перевод Н. Кудряшева</i> .....	5
ЛУНА СВЕТИТ БЕЗУМЦАМ. <i>Перевод Н. Ульяновой</i> .....	255
МОГИЛА В ПОДАРОК. <i>Перевод Н. Кудряшева</i> .....	517